обстановки конца XII в. позволил этим исследователям выяснить идейно-политический замысел его автора в деталях, до сих пор никем не отмеченных. Призыв к единству Русской земли не раз раздавался в древнерусской литературе, но в разные исторические эпохи он приобретал разное политическое звучание — работы Б. Д. Грекова и М. Д. Приселкова показывают это с большой отчетливостью; оба исследователя — и в этом несомненная их заслуга — в свою интерпретацию идейно-политического содержания „Слова" внесли ту историческую конкретность, которой недоставало их предшественникам.

Уже давно, с 60-х годов прошлого века, началась работа по изучению „Слова" в его связях с современной ему оригинальной и переводной прозой — исторической повествовательной прозой в первую очередь. Начатая трудами акад. Н. С. Тихонравова, акад. В. Ф. Миллера, Е. В. Барсова, работа эта в сущности никогда не прекращалась. В последнее время в особенности много сделал в этом направлении акад. В. Н. Перетц. И в своей уже упоминавшейся книге и в ряде статей он собрал громадный словарно-стилистический материал, во много раз превосходящий по объему собранный его предшественниками. В свете этого материала стала совершенно очевидной литературная природа „Слова". Выяснилось, что „Слово" в современной ему литературе стояло не одиноко, что в словарно-стилистическом отношении оно теснейшим образом связано с этой литературой, что оно органически впитало в себя всю богатейшую литературную культуру, накопленную к концу XII в. Киевской Русью. Отрицать теперь литературную природу „Слова о полку Игореве" — значило бы отрицать факт, установление которого является одним из наиболее прочных завоеваний нашей науки. В самое последнее время замечается кое у кого тенденция выводить „Слово", все целиком, только из фольклора. Тенденция эта должна быть безусловно осуждена, ибо она не поддерживается фактами, противоречит всему тому, что нам известно о „Слове", продиктована ложной мыслью, что только „фольклорное" — народно.

Утверждая вслед за В. Н. Перетцем, А. С. Орловым, Н. К. Гудзием и другими литературную природу „Слова о полку Игореве", я отнюдь не хочу сказать, что в „Слове" нет фольклорных реминисценций: они налицо в „Слове", и их больше в нем, чем в каком-либо другом из дошедших до нас памятников литературы Киевской Руси. Первоочередная задача нашей науки — обнаружить эти реминисценции. Что́ в „Слове" следует отнести за счет фольклора — на этот вопрос мы, к сожалению, не найдем точного ответа в нашей науке, несмотря на то, что вопрос о фольклорных элементах „Слова" был поставлен еще в прошлом веке, что вопроса этого не раз касались и многие советские ученые (Ю. М. Соколов, А. И. Никифоров и др.). Такое положение отчасти объясняется тем, что все писавшие на эту тему обычно ограничивались подбором буквальных словесно-стилистических фольклорных параллелей к „Слову", забывая о том, что фольклорные элементы „Слова" могут и не исчерпываться этими параллелями, могут корениться глубже — в фольклорной